
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.342.2

Субъективные границы и солидарность современного российского рабочего класса

Т. В. Гаврилюк¹ ✉, В. В. Гаврилюк¹

¹ Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского 38, г.Тюмень 625000, Российская Федерация

✉ e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Резюме

Актуальность. В соответствии с мировой практикой становление нового рабочего класса и его выделение в социальной структуре следует связывать как с объективными социально-экономическими параметрами, так и субъективными, символическими аспектами, к числу важнейших из которых относятся классовая идентичность и солидарность. На сегодняшний день сохраняется разрыв в аксиоматике российской и мировой социологии в изучении проблем социального неравенства, что обуславливает необходимость фокусирования внимания на символических аспектах классовой дифференциации в российских реалиях.

Цель. Статья посвящена концептуализации и эмпирическому анализу факторов, обуславливающих границы классовой позиции рабочей молодежи современной России.

Задачи: проанализировать актуальный дискурс классовой дифференциации; предложить авторское определение нового рабочего класса и базовых критериев для определения границ данной общности; изучить субъективные параметры классообразования на эмпирическом примере молодежи нового рабочего класса современной России.

Методология. Эмпирической базой исследования выступил массовый опрос 1534 представителей молодежи нового рабочего класса и 100 экспертов из числа их руководителей и преподавателей. Исследование проводилось на территории Уральского федерального округа.

Результаты. К новому рабочему классу отнесены не только представители промышленного производства, транспорта, строительства и технического обслуживания, но и наемные работники сервисных отраслей, выполняющие рутинную работу и не имеющие управленческих функций на предприятии.

Выводы. В ходе опросов выявлено, что большая часть молодежи удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег. Тем не менее эмпирические данные свидетельствуют о том, что молодежь рабочего класса не рассчитывает на классовую солидарность в решении проблем и отстаивании своих интересов в трудовых отношениях.

Ключевые слова: классовый анализ; рабочий класс; новый рабочий класс; классовые границы; классовая идентичность; солидарность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

© Гаврилюк Т. В., Гаврилюк В. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(3): 170–185

Subjective Boundaries and Solidarity of the Modern Russian Working Class

Tatiana V. Gavrilyuk¹ ✉, Vera V. Gavriliuk¹

¹ Industrial University of Tyumen
38 Volodarskogo st., Tyumen 625000, Russian Federation

✉ e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Abstract

Relevance. In accordance with world-spread practice, the formation of a new working class and its separation in the social structure should be associated with both objective socio-economic parameters and subjective symbolic aspects, the most important of which are class identity and solidarity. Today, there remains a gap in the axioms of Russian and foreign sociology in the study of social inequality problems, which necessitates focusing attention on the symbolic aspects of class differentiation in Russian realities.

Purpose. The article is aimed at the conceptualization and empirical analysis of the factors that determine the working-class youth position and boundaries in modern Russia.

Objectives: to analyze the current discourse of class differentiation, to propose the author's definition of the new working class and basic criteria for determining the boundaries of this community, to study the subjective parameters of class formation on the empirical example of young people of the new working class in modern Russia.

Methodology. The empirical basis of the study was a mass survey of 1534 representatives of young people of the new working class and 100 experts from among their leaders and teachers. The research was carried out on the territory of the Ural Federal District.

Results. The new working class includes not only representatives of industrial production, transport, construction and maintenance, but also employees of service industries who perform routine work and do not have managerial functions at the enterprise.

Conclusions. In the course of the polls, it was revealed that the majority of young people are satisfied with relationships in the immediate work environment and see signs of solidarity, support and mutual assistance among their colleagues. However, empirical evidence suggests that working-class youth do not rely on class solidarity to solve problems and defend their interests in labor relations.

Keywords: class analysis; working class; new working class; class boundaries; class identity; solidarity.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was supported by the RSF grant No. 17-78-20062 "Life strategies of young people of the new working class of modern Russia".

For citation: Gavrilyuk T. V., Gavriliuk V. V. Subjective Boundaries and Solidarity of the Modern Russian Working Class. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 170–185. (In Russ.)

Received 25.03.2021

Accepted 20.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Вопрос о классовых границах становится особо актуальным в условиях неопределённости социальной структуры,

характерной для транзитивных обществ. Несмотря на то, что в современной России уже сложились новые крупные социальные группы и период социальных

трансформаций становится элементом ее истории, вопрос о классовых границах все еще находится на периферии исследовательских интересов. Между тем нарастание межклассовых противоречий в повседневных социальных взаимодействиях актуализирует необходимость теоретического анализа объективных критериев и субъективных признаков классовой принадлежности. Классовые позиции обычно рассматривают реляционно, так как дифференциация осуществляется только во взаимосвязи с другими компонентами социальной структуры [1]. Вопрос о формировании классовых границ в социологии обычно рассматривается в двух ракурсах: 1) как поиск аналитических критериев для создания классовых схем и типологий; 2) как выявление имплицитно заложенных в поведении людей проявлений классового габитуса, влияющих на восприятие и оценку классового статуса.

Класс является агрегацией действующих сил, реализующихся не только в экономическом поле, но и в политическом, дискурсивном, а также в пространстве повседневных различий. Однако в российской социологии по-прежнему доминируют стратификационные модели, опирающиеся на различия социально-экономического статуса на основании дохода. В западной науке аналогичные модели измерения [2; 3] также применяются для анализа объективных параметров социального неравенства, но подобный подход является далеко не единственным. Мы полагаем, что необходимо исследовать процесс классовообразования комплексно, не ограничиваясь выбором его единственного доминирующего основания. Для этого следует аналитически разделить различные поля воспроизводства классовых границ, принимая во внимание как объективные, так и субъективные характеристики классовой позиции.

Данная статья посвящена исследованию субъективных параметров классовообразования – классовой идентичности и

солидарности. В качестве эмпирического примера избрана молодежь нового рабочего класса, к которому в соответствии с мировой практикой отнесены не только работники промышленности и технического обслуживания, но и сотрудники клиентского сервиса.

Материалы и методы

Поиск границ трансформирующихся социальных классов становится не только теоретическим вопросом, но и острой проблемой социального управления. Именно поэтому обнаружение критериев и индикаторов классовых границ необходимо для выявления реальной социальной структуры современного общества. Для проверки ряда гипотез на территории Уральского федерального округа было проведено эмпирическое исследование с использованием методов массового анкетного и экспертного опроса. Объектом массового опроса выступила молодежь от 15 до 29 лет в количестве 1534 респондентов, выборочная совокупность – целевая многоступенчатая по критериям пола; возраста (три группы в соответствии со стандартами статистики РФ: 15-19; 20-24; 25-29 лет); сферы занятости (промышленное производство или сервисный сектор); места проживания (город или село в соотношении 80/20%, исходя из состава населения в указанном регионе). Экспертами являлись руководители молодежи нового рабочего класса и преподаватели учреждений среднего профессионального образования, всего было опрошено 100 экспертов в трех городах УРФО (Тюмень, Екатеринбург, Курган).

Результаты и их обсуждение

Классовые границы: актуальный дискурс и новые проблемы

Конвенциональный подход российской социологии базируется на трактовке социальной структуры как иерархического социального пространства, где группы и слои различаются по критериям собственности, власти и социального статуса

[4, с. 228]. Тем не менее поиск новых векторов дифференциации, порождающих различные виды неравенства современного общества, остается актуальной исследовательской задачей. Начиная с 1990-х и до настоящего времени разнообразие теоретических подходов в изучении социального неравенства в отечественной социологии сосредоточено вокруг проблем среднего класса – здесь сложились как признанные концепции с обоснованными критериями и подтвержденными эмпирическими данными [5], так и довольно спорные, экзотические подходы. Оригинальная концептуализация устойчивых социологических понятий представлена в работах В. Н. Бобкова и коллег, утверждающих многообразие средних классов, присутствующих в каждой крупной социальной группе [6]. Исследователи утверждают, что в социальной структуре необходимо выделять множественные «средние классы» [6, с. 10]. К классам при этом автор относит произвольно взятые социальные группы, что является подменой устойчивых понятий и не соответствует ни одной концептуальной схеме классового анализа, принятой в мировой социологии. Для обоснования такой модели используется применение неких априорно заданных «социальных стандартов» и сопоставление с ними фактических параметров уровня жизни. Таким образом, подобные спекулятивные модели еще больше размывают представление о реальной социальной структуре современного общества. Аналитическое объединение кардинально различных по своей классовой природе социальных групп не позволяет использовать категории социального неравенства и справедливости, еще больше запутывая проблему. Наша задача заключается не в том, чтобы предлагать многоуровневые априорные модели стратификации, сложные с точки зрения операционализации и мало что проясняющие в анализе действительной социальной структуры. Мы обращаемся к поиску ре-

ально существующих границ и эмпирически измеряемых критериев дифференциации классов как крупных социальных общностей.

Проблема анализа классовых границ особенно актуальна для исследования рабочего класса, само название которого в постсоветское время исчезло из научного дискурса из-за ассоциации с марксизмом-ленинизмом. Средний класс был некритически декларирован в качестве фундамента общества, а понятие «рабочий класс» заменено эвфемизмами, такими как «базовый слой» [7] и «медианный класс», живущий по стандартам малообеспеченности [8, с. 160]. Тот факт, что рабочий класс по-прежнему является самой многочисленной и базовой социальной группой, также не признается отечественной социологией. Ряд авторов придерживаются позиции сокращения численности рабочего класса, вызванного социально-экономической динамикой, увеличением доли сервисных работников в структуре занятости, переходом к экономике, основанной на знании [9]. Такой подход связан с сохранением в социологическом сообществе представлений о рабочем классе как социально-профессиональной группе работников промышленного производства [10]. При этом не учитывается ни динамика рабочих профессий, ни современные доминирующие трактовки рабочего класса в мировой науке, включающие в его состав не только занятых в сфере промышленного производства, но и работников сервисной сферы, труд которых имеет интерактивный и рутинный характер [11; 12].

В современных постиндустриальных обществах работники сферы услуг составляют большую часть рабочего класса [13], и их исключение из состава этой группы приводит к ошибочному выводу о сокращении её численности. Однако статистика форм занятости, сопоставление уровней заработной платы социальных слоев, анализ запросов рынка труда не показывают ни сокращения рабочего

класса, ни снижения востребованности рабочих профессий [14]. Следовательно, необходимо признать, что рабочий класс претерпевает ряд принципиальных трансформаций, связанных с дифференциацией форм собственности, новыми реалиями трудовых отношений (включая их прекарризацию), расширением образовательных возможностей для всех групп населения России, цифровизацией экономики и другими объективными социальными факторами и условиями. Это не может не сказаться на дифференциации самого рабочего класса, формировании внутри него неравных групп, различающихся по сфере занятости, уровню доходов, профессиональной квалификации, отраслевой принадлежности и стилю жизни. Множественность факторов дифференциации современного рабочего класса определяет потребность выявления необходимых и достаточных признаков его границ.

Следует отметить, что современные российские социологи не отрицают наличия новых социальных признаков у группы рабочих, видят изменения в их реальном положении на российском рынке труда [15; 16]. Вместе с тем формирование нового типа рабочих, их выделения в составе рабочего класса по-прежнему связываются, прежде всего, с овладением ими новыми передовыми технологиями и инновационными трудовыми практиками, увеличением уровня ответственности за производственные процессы, восприимчивостью к новой информации. Тем самым данный дискурс повторяет основные положения теоретиков постиндустриального общества, связывающих социальное развитие с высокотехнологичным производством и услугами, требующими высокого уровня квалификации [17; 18]. При этом значение и роль пропорционально растущего сектора повседневного рутинизированного сервиса ими полностью игнорируется. Тем не менее сегодня многократно возрос спрос не только на те профессии, которые авторы

считали особо важными для развития нового типа общества, но и на низкооплачиваемый сервисный труд, поддерживающий функционирование среднего класса – сотрудников магазинов и ресторанов, домработниц, нянь и т. д. [19, с. 255].

Динамика трудовых отношений в постсоветской России, её отражение в современном исследовательском поле позволяют утверждать, что в стране формируется *новый рабочий класс*, границы которого еще предстоит выяснить. Основой для этого могли бы стать базовые критерии для отделения его от других классов и стратификационных групп: *отношения собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда*. Теоретический анализ, проведенный в ходе реализации проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России», выполненного при поддержке РНФ, позволил нам предложить определение нового рабочего класса как группы *«наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся»* [20, с. 111].

Такой подход, с одной стороны, соответствует конвенциональному для мировой социологии включению работников сервисного сектора в состав рабочего класса, а с другой – отражает основы российской идеологии рыночных отношений. Рыночная экономика в стране строилась на основе представлений о производстве *товаров и услуг*, где к услугам было отнесено все, что нельзя отнести к товарному производству. Именно поэтому такие сферы, как образование, здравоохранение и культура, были отнесены апологетами рыночной экономики к сфере услуг, что, кстати, вы-

звало неприятие профессиональных групп, занятых в этих отраслях. Очевидно, такое упрощение на этапе формирования принципов новой рыночной экономики было вызвано идеологическими причинами – отрицанием марксистского политэкономического подхода, рассматривавшего производство продукта, который может стать товаром, услуг и самого человека в качестве неких специфических форм производства. Широкой дискуссии в российском общественном сознании по поводу столь расширительной трактовки сферы услуг не возникло, поэтому результаты внедрения этого упрощенного тезиса мы можем наблюдать и по сей день.

Границы нового рабочего класса сегодня невозможно четко обозначить не только в силу незавершенности его формирования, но и в силу неоднородности самого формирующегося класса, его внутренней дифференциации. Отсутствие гомогенности НРК связано с влиянием как объективных, так и субъективных факторов, к числу которых относятся: форма найма; сфера занятости; уровень доходов; степень рутинизации труда; стиль жизни и культурный капитал [21, с. 112].

Классовая идентичность и солидарность как субъективные критерии классовых границ

Складывающийся в настоящее время новый рабочий класс современной России принципиально отличается от советского пролетариата как экономическими условиями его труда, так и политическими, социокультурными признаками. Для рабочего класса эпохи глобального капитализма опыт революционного пролетариата начала XX века является лишь историческим примером классовой идентичности, не способным выступать основанием становления современного классового сознания и солидарности.

Социологический анализ проблем идентичности рабочих невозможен без возрождения классового подхода в исследовании социальной структуры российского общества. Именно маркеры

классовой идентичности могут выступать в качестве субъективного критерия классовых границ. В рамках данного исследования мы остановимся на интерпретации классовой идентичности в традиции школы П. Бурдьё как индивидуализированной и имплицитной, закодированной в человеческом восприятии собственной ценности в соотношении с представителями других социальных общностей [22; 23]. Определение индивидуальной и коллективной идентичности П. Бурдьё связано с формированием и закреплением габитуса на индивидуальном и классовом уровнях [24, с. 9]. Повседневные проявления классового габитуса формируют неявные классовые границы, когда участники взаимодействия способны определить статусную принадлежность и культурный бэкграунд собеседника на основании характеристик его внешности, поведения, манер или суждений.

Разрушение идентификационных моделей советского периода привело к кризису идентичности представителей больших социальных групп. Основой коллективной идентичности в СССР выступало именно классово-гражданское деление, оно имел безусловный приоритет над этническими, религиозными, культурными различиями. Отказ от советской идентификационной матрицы привел к радикальному смещению форм идентичности в сторону примордиальных общностей – этнических, семейных. Эти факты трактуются российскими исследователями как процесс дезидентификации населения [25, с. 21].

Советская идентичность поддерживалась всеми социальными институтами страны – образованием, СМИ, учреждениями культуры. Механизмы и основания макроидентификации социальных групп российского общества принципиально изменились, прошли ряд этапов на протяжении последних трех десятилетий. Так, в 2007 г. уже 56 % населения идентифицировали себя как «граждане России» [26]. Наряду с новой, общероссий-

ской идентичностью актуализируется поиск локальных идентичностей, связанных с символическими общностями. Сегодня в мировой практике культурные основания идентичности описываются с помощью таких категорий, как возраст, гендер, раса, этничность, сексуальная ориентация, поколение, пространственная локализация, религиозная принадлежность, семейный статус. Локальные идентичности рабочих становятся новой актуальной темой для российской социологии [27]. Отметим, что внимание российских авторов пока сосредоточено на занятых в сфере промышленности, в то время как зарубежные авторы уже актуализируют проблематику классового сознания работников клиентского сервиса [28].

Коллективная идентичность в современном российском обществе остается множественной и неустойчивой, неизученным остается вопрос о классовой идентичности больших социальных групп. Одним из индикаторов классовой идентичности, проявлением уровня сформированности классового самосознания является проявление классовой солидарности. Понятие солидарности является традиционным предметом социальной мысли, рассматривается на протяжении двух последних столетий как основа идеологии разных политических сил – от либеральных до тоталитарных. В мировой науке сложилось четыре основных парадигмы солидарности, солидарных практик: социологическая, философская, идеологическая и религиозная [29, с.109]. Социалистическая трактовка солидарности весь XX век доминировала как концепция классовой солидарности – основы совместных действий пролетариата (рабочего класса) в борьбе с буржуазией, в том числе и на международном уровне. В марксистской теории внутриклассовая солидарность рассматривается как фактор превращения класса в субъект исторического процесса. Класс как субъект, действуя в качестве реальной независимой силы, превращается из «класса-в-

себе» в «класс-для-себя» [30, с.83-84]. Конец XX века в европейской идеологии ознаменован превращением идеи солидарности как некоего особого пути Европы, позволяющего преодолеть крайности индивидуализма и коллективизма. В рамках этого подхода социальная солидарность возникает лишь при реализации принципов личной свободы, социального контроля и социальной справедливости. Постмодернистская социальная теория исходит из установки о нежизнеспособности классовых форм солидарности, признания локальных видов солидаризации сообществ более устойчивыми и разрушающими агрегативную солидарность крупных социетальных общностей [31]. В целом социология второй половины XX – начала XXI в. рассматривает социальную солидарность через отношения сообществ. Лишь в последнее десятилетие авторы отмечают возрождение комплексного подхода к анализу данного феномена [32].

В актуальных трактовках солидарных практик рабочих используются разнообразные теоретические концепции. Например, идеи постфордизма применяются при анализе цеховой классовой солидарности промышленных рабочих. Предполагается, что возникающие новые формы промышленного производства обеспечивают рабочую солидарность и коммунитаризм на базе по-новому децентрализованного производственного процесса и новых технологий [33]. В центре внимания исследователей находится кризис традиций юнионизма в Европе и новые практики профсоюзных объединений рабочих [34; 35]. Также распространены и признаны в научном сообществе исследования солидарности на микроуровне локальных сообществ представителей рабочего класса, причем не только в контексте рабочего места, но и в повседневности, коллективной памяти, формирования и легитимации идентификационных конструкторов [36]. Исследования в русле интерсекциональной методологии

уделяют внимание пересечению классово-солидарности и идентичности с одним или несколькими измерениями социального неравенства и дискриминации – гендер, этничность, происхождение, сексуальная ориентация [37; 38].

Новый рабочий класс в России: самооценка классовой принадлежности

Результаты опроса рабочей молодежи свидетельствуют, что в массовом сознании не сформированы четкие классовые границы, самоидентификация молодежи, объективно принадлежащей к рабочему классу, размыта. Вместе с тем значительная часть молодежи, в основном занятой в реальном секторе экономики, осознает свою классовую принадлежность (рис. 1).

Более подробное распределение позиций по социальной идентичности рабочей молодежи (в % от количества занятых в сфере промышленности и сервиса,

возрастным и гендерным группам) можно получить на основании таблицы 1. Мы можем наблюдать, что идентификация с рабочим классом усиливается по мере взросления и в большей степени выражена у работников промышленности.

Субъективная идентификация работающей молодежи измерялась в нашем исследовании и через сформированность классового сознания посредством оценок различных характеристик положения рабочего класса в современном обществе. Позиции молодежи в значительной мере совпадают с оценками их непосредственных руководителей – экспертов (рис. 2). Существенные различия наблюдались только в негативных свойствах классовой позиции: эксперты не отрицают наличия рабочего класса и в меньшей степени разделяют оптимизм молодежи о возможностях их перехода в средний класс.

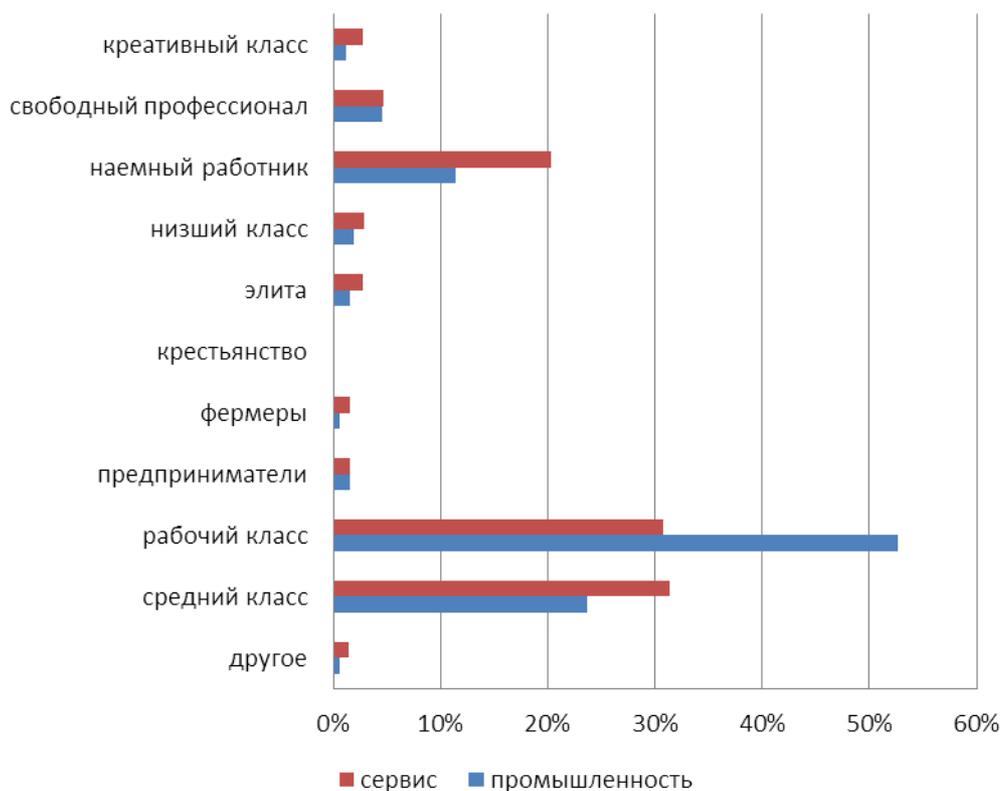
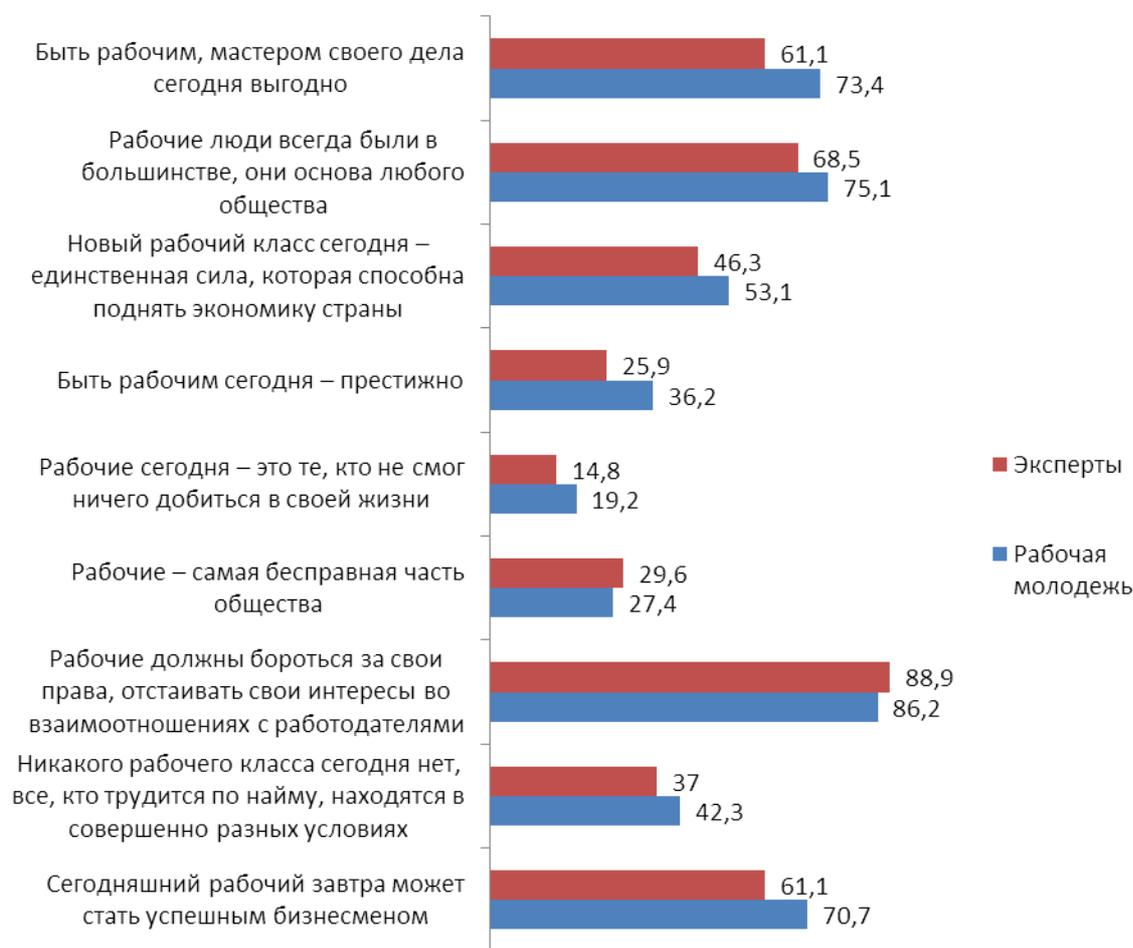

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «К какой группе Вы себя относите?», % по массиву опрошенных представителей сервиса и промышленности

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «К какой группе Вы себя относите?», % по группам респондентов

Варианты ответов	По гендерным группам		По возрастным группам			Группы респондентов по сфере деятельности		В целом по массиву
	мужчины	женщины	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет	промышленность	сфера услуг	
Рабочий класс	57,8	42,2	27,8	33,8	38,4	58,3	41,7	40,7
Средний класс	39,9	60,1	29,9	33,5	36,6	38,2	61,8	28
Наёмный работник	45,7	54,3	42,4	32,7	24,9	31,4	68,6	16,3
Свободный профессионал	67,1	32,9	37,1	37,1	25,7	44,3	55,7	4,7
Низший класс	48,6	51,4	29,7	24,3	45,9	35,1	64,9	2,5

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Выразите согласие или несогласие с приведёнными ниже утверждениями» (вариант ответа – «Согласен»), % по массиву опрошенных рабочих и экспертов

Вопрос об особенностях трудовых отношений, прямо связанный с классовыми границами, зависит от сферы занятости работника и далеко неоднозначен.

Очевидно, что оплата труда зависит от работодателя и сферы трудовой деятельности, при этом такие критерии, как происхождение и социальный статус, зача-

стую являются ключевым элементом для продвижения по карьерной лестнице. По данным наших предыдущих исследований, это приводит к тому, что профессиональные качества и образовательный уровень обесцениваются. Молодые люди предпочитают избегать стратегического планирования, концентрируясь на краткосрочных целях, т. е. выбирают адаптивный тип стратегии [39].

Неопределенность классовых границ, особенности трудовых отношений в современной России затрудняют эмпирическое изучение форм и проявлений классовой солидарности. Новый рабочий класс, формирующийся в современной России, подвержен всем рискам глобальной экономики: прекаризации трудовых отношений, конфликтам корпоративной и классовой этики, противоречиям динамики рынков труда и профессионального роста и др. Кроме того, эти риски сопровождаются специфическими особенностями развития межпоколенческих взаимодействий внутри рабочего класса. Старшее поколение строило свою трудовую биографию в условиях советской действительности, в то время

как рабочая молодежь начинает свой профессиональный путь в совершенно иных условиях. Опыт «отцов» в этих условиях оказывается бесполезен, попытки на государственном уровне возродить архаичные формы классовой солидарности (например, наставничество или профсоюзы в их прежнем статусе) не встречают поддержки. Поиск новых форм рабочей солидарности пока еще не актуализирован ни в самой рабочей среде, ни в социологическом дискурсе.

Вместе с тем в ходе массового опроса выявлено, что молодежь в целом удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег (рис. 3).

Иная картина наблюдается, когда молодежь оценивает свои взаимоотношения с работодателями, менеджерами (табл. 2). Существенные различия по степени готовности отстаивать свои интересы и избираемым формам сопротивления наблюдаются как по возрастным группам, так и по гендерным признакам.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Выразите согласие или несогласие с приведёнными ниже утверждениями», % по массиву опрошенных

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Если будут нарушены Ваши трудовые права, какие методы воздействия на работодателя Вы готовы использовать?», % по группам респондентов

Варианты ответов	По гендерным группам		По возрастным группам			Группы респондентов по сфере деятельности		В целом по массиву
	мужчины	женщины	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет	промышленность	сфера услуг	
Защита трудовых прав через профсоюз	47,7	52,3	27,3	43,4	29,3	48	52	20,3
Обращение в суд	42,5	57,5	34,4	41,4	24,2	33,3	66,7	18,2
Обращение в федеральную службу по труду и занятости	52,2	47,8	37,9	40,1	22	37,4	62,6	12,1
Обращение в прокуратуру	46,4	53,6	23	35,9	41,1	37,1	62,9	16,5
Обращение к региональным и местным органам власти	43,7	56,3	40,8	38	21,1	47,9	52,1	4,7
Обращение в комиссию по трудовым спорам на предприятии	48	52	32,4	43,9	23,6	33,8	66,2	9,9
Отказ от выполнения работ, которые не предусмотрены трудовым договором	46,4	53,6	32,1	32,6	35,3	42,3	57,7	31,3
Забастовки и другие формы коллективного протеста	52,7	47,3	35,1	35,9	29	45	55	8,7
Обращение в средства массовой информации	46,2	53,8	40,7	36,3	23,1	46,2	53,8	6,1
Я не готов предпринимать никаких действий	53,9	46,1	32,8	26,4	40,7	47,9	52,1	34,5

Особенно ярко различия проявляются между работниками сервисного и промышленного секторов. Формы коллективного протеста в целом занимают менее значимую роль в описании способов отстаивания трудовых прав, полный отказ от каких-либо действий составляет 34,5%. Этот факт свидетельствует, что современный молодой рабочий не рассчитывает ни на рабочую солидарность, ни на официальные структуры, призванные защищать его права.

Выводы

Проблематика дифференциации порождает внимание к процессу конструи-

рования границ в повседневных взаимодействиях. Кризис государственности, неолиберальная глобализация, реконструкция физических барьеров как единственного способа остановить миграционные потоки обуславливают повышенное внимание к концепту «границ» и проблематике сегрегации в мировой социальной науке. Вместе с тем тематика классовых границ и классовой идентичности больших социальных групп остается нераскрытой в отечественной социологии, так как даже само представление о классах подвергается ревизии. До сих пор в работах российских социологов доминирует представление о рабочем классе как о группе промышленных рабочих, а

представители «сферы обслуживания», в том числе и сервисных отраслей промышленности, в него не включаются, что приводит к ошибочному выводу о сокращении рабочего класса в социальной структуре.

Современный рабочий класс претерпевает ряд принципиальных трансформаций, связанных с дифференциацией форм собственности, прекарризацией трудовых отношений, цифровизацией, расширяющей возможности контроля и надзора. Это сказывается на дифференциации самого рабочего класса, формировании внутри него неравных групп, различающихся по сфере занятости, уровню доходов, профессиональной квалификации, отраслевой принадлежности, что также приводит к размыванию классовых границ и усилению локальных форм солидаризации.

Вместе с тем рабочий класс как объективно существующая социальная группы по-прежнему является самой многочисленной в структуре российского общества. Базовые аналитические критерии для определения границ данной общности могут быть обозначены как: (1) отношения собственности; (2) участие в управлении на конкретном предприятии; (3) характер и содержание труда. Мы полагаем, что общемировая тенденция включения работников рутинизированного клиентского сервиса в состав рабочего класса отвечает реалиям экономической

и социальной структуры современной России.

В ходе массового опроса выявлено, что молодежь в целом удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег. При этом эмпирические данные демонстрируют, что молодые рабочие не рассчитывают на классовую солидарность в решении проблем и отстаивании своих интересов в трудовой сфере.

Следующий этап реализации проекта мы планируем связать с анализом качественных данных, который позволит выявить, как формируются и закрепляются классовые границы, невидимые для членов группы, но часто непроницаемые для всех остальных. Интерпретация материалов официальных медиа, данных интервью и социальных сетей позволит выявить способы нормализации классовых барьеров и заниженных ожиданий рабочей молодежи, трансляции паттернов «здорового смысла» рабочего класса, закрывающих классовые границы и встречающих неприятие представителей других социальных групп. Также развитие тематики мы связываем с концептуализацией проницаемости границ между сообществами и барьеров, замедляющих или препятствующих осуществлению ключевых жизненных переходов.

Список литературы

1. Wright E. O. *Class counts: Comparative studies in class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 576 p.
2. Kim J. H., Park E. C. Impact of socioeconomic status and subjective social class on overall and health-related quality of life // *BMC Public Health*. 2015. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2014-9>.
3. Smith J. The Impact of Socioeconomic Status on Health over the Life-Course // *The Journal of Human Resources*. 2007. N 42(4). P. 739-764.
4. Голенкова З. Т. *Избранные труды*. М.: Новый хронограф, 2014. 343 с.
5. Беляева Л. А. *Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития*. М.: Academia, 2001. 183 с.
6. *Средние классы в капиталистической России: научная монография* / гл. науч. ред. В. Н. Бобков. М.: Кнорус, 2018. 208 с.

7. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 5–23.
8. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014. 408 с.
9. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Рабочая молодёжь: количественное и качественное измерение. М.: ЦСИ, 2013. 277 с.
10. Темницкий А. Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // *Мир России*. 2006. № 2. С. 79–107.
11. Resnick S., Wolff R. The diversity of class analyses: A critique of Erik Olin Wright and beyond // *Critical Sociology*. 2003. N 29(1). P. 7–27.
12. Zweig M. *The Working Class Majority: America's Best Kept Secret*. New York: Cornell University Press, 2011. 232 p.
13. Nixon D. 'I just like working with my hands': Employment aspirations and the meaning of work for low-skilled unemployed men in Britain's service economy // *Journal of Education and Work*. 2006. N 19(2). P. 201–217. <https://doi.org/10.1080/13639080600668051>.
14. Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
15. Забелин К. Л. Рабочий класс и современное общество (теоретические, мировоззренческие и методологические подходы к изучению проблемы) // *Власть*. 2011. № 1. С. 8–12.
16. Темницкий А. Л., Максимова О. Н. Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия // *Социологические исследования*. 2008. № 11. С. 13–23.
17. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
18. Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. N 51. P. 5–24.
19. Sassen S. *Global Cities and Survival Circuits* // *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy* / ed. by B. Ehrenreich and A. R. Hochschild. New York: Metropolitan Books, 2002. P. 254–274.
20. Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография / под ред. Т. В. Гаврилук. М.: ФЛИНТА, 2019. 392 с.
21. Подвойский Д. Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 825–834.
22. Savage M. *Class Analysis and Social Transformation*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 204 p.
23. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class // *Sociology*. 2004. N 38 (5). P. 985–1003. <https://doi.org/10.1177/0038038504047182>.
24. Бурдые П. *Практический смысл*. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
25. Кузнецов А. Г. Трансформация государственно-национальной идентичности в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2007. 27 с.
26. *Общественное мнение – 2007*. М.: Левада-Центр, 2007. 272 с.
27. Полухина Е. В., Ваньке А. В. Идентичность заводского рабочего в постсоветском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 2. С. 237–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>.
28. Ikeler P., Crocker J. The continuity of work: Class consciousness in service and non-service jobs // *Economic and Industrial Democracy*. P. 1–25. <https://doi.org/10.1177/0143831X18769411>
29. Ковалев В. В., Попов А. В., Хocenко В. П. Идеи солидаризма и солидарности в интеллектуальной традиции России и Запада // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 7. С. 103–110.
30. Маркс К. Нищета философии // *Сочинения*. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 65–185.
31. Clark T. N., Lipset S. M. Are Social Classes Dying? // *International Sociology*. 1991. Vol. 6 (4). P. 397–410.
32. Ефременко Д. В. Исследования социальной солидарности в современной социологии: актуальные тенденции // *Социальные и гуманитарные науки*. Серия 11. Социология. 2012. № 1. С. 5–12.

33. Грунский Д. Б., Соренсен Дж. Б. Можно ли спасти классовый анализ? // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 1999. № 1. С. 67-76.
34. Coventry B. T., Morrissey M. Unions' empowerment of working-class women: A case study // *Sociological Spectrum*. 1998. N 18(3). P. 285-310. [https://doi.org/ 10.1080/02732173.1998.9982199](https://doi.org/10.1080/02732173.1998.9982199).
35. Jensen C. S. Trade unionism in Europe: Are the working class still members? // *European Journal of Industrial Relations*. 2019. P. 1–14. [https://doi.org/ 10.1177/0959680119838881](https://doi.org/10.1177/0959680119838881).
36. Walkerdine V. Affective history, working-class communities and self-determination // *The Sociological Review*. 2016. Vol. 64. P. 699–714. [https://doi.org/ 10.1111/1467-954X.12435](https://doi.org/10.1111/1467-954X.12435).
37. Beckwith K. Gender, class, and the structure of intersectionality: working-class women and the Pittston Coal strike // *Politics, Groups, and Identities*. 2014. N 2(1). P. 17-34. [https://doi.org/ 10.1080/21565503.2013.872042](https://doi.org/10.1080/21565503.2013.872042).
38. Wu B., Liu H. Bringing class back in: class consciousness and solidarity among Chinese migrant workers in Italy and the UK // *Ethnic and Racial Studies*. 2014. N 37(8). P. 1391-1408. [https://doi.org/ 10.1080/01419870.2012.715660](https://doi.org/10.1080/01419870.2012.715660).
39. Гаврилюк Т. В. Жизненный путь молодёжи нового рабочего класса: реальность и нормативные паттерны // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 101–113. [https://doi.org/ 10.17223/1998863X/49/11](https://doi.org/10.17223/1998863X/49/11).

References

1. Wright E. O. *Class counts: Comparative studies in class analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 576 p.
2. Kim J. H., Park E. C. Impact of socioeconomic status and subjective social class on overall and health-related quality of life. *BMC Public Health*. 2015. [https://doi.org/ 10.1186/s12889-015-2014-9](https://doi.org/10.1186/s12889-015-2014-9).
3. Smith J. The Impact of Socioeconomic Status on Health over the Life-Course. *The Journal of Human Resources*, 2007, no. 42(4), pp. 739–764.
4. Golenkova Z. T. *Izbrannye trudy [Selected works]*. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2014. 343 p.
5. Beljaeva L. A. *Social'naja stratifikacija i srednij klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitija [Social stratification and the middle class in Russia. 10 years of post-Soviet development]*. Moscow, Academia Publ., 2001. 183 p.
6. *Srednie klassy v kapitalisticheskoj Rossii [Middle classes in capitalist Russia]*; ed. by V. N. Bobkov. Moscow, Knorus Publ., 2018. 208 p.
7. Zaslavskaja T. I. *Social'naja struktura sovremennogo rossijskogo obshhestva [Social structure of modern Russian society]*. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 1997, no. 2, pp. 5–23.
8. Tihonova N. E. *Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost' [Social structure of Russia. Theory and reality]*. Moscow, Novyj hronograf, IS RAN Publ., 2014. 408 p.
9. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. *Rabochaja molodjozh': kolichestvennoe i kachestvennoe izmerenie [Working Youth: The quantitative and qualitative measures]*. Moscow, CSI Publ., 2013. 277 p.
10. Temnitskiy A. L. *Rabochie reformiruemoj Rossii kak ob#ekt sociologicheskikh issledovanij [Workers of reformed Russia as an object of sociological research]*. *Mir Rossii = World of Russia*, 2006, no. 2, pp. 79–107.
11. Resnick S., Wolff R. The diversity of class analyses: A critique of Erik Olin Wright and beyond. *Critical Sociology*, 2003, no. 29(1), pp. 7–27.
12. Zweig M. *The Working Class Majority: America's Best Kept Secret*. New York, Cornell University Press, 2011. 232 p.
13. Nixon D. 'I just like working with my hands': Employment aspirations and the meaning of work for low-skilled unemployed men in Britain's service economy. *Journal of Education and Work*, 2006, no. 19(2), pp. 201–217. [https://doi.org/ 10.1080/13639080600668051](https://doi.org/10.1080/13639080600668051)
14. *Naemnyj rabotnik v sovremennoj Rossii [An employee in modern Russia]*; ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2015. 368 p.

15. Zabelin K. L. Rabochij klass i sovremennoe obshhestvo (teoreticheskie, mirovozzrencheskie i metodologicheskie podhody k izucheniju problemy) [The working class and modern society (theoretical, ideological and methodological approaches to the study of the problem)]. *Vlast' = Power*, 2011, no. 1, pp. 8–12.
16. Temnitskiy A. L., Maksimova O. N. Motivacija intensivnogo truda rabochih promyshlennogo predpriyatija [Intensive Work Motivation among Workers of an Industrial Plant]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2008, no. 11, pp. 13–23.
17. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. New York, Basic Books, 1973. 507 p.
18. Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*, 2000, no. 51, pp. 5–24.
19. Sassen S. *Global Cities and Survival Circuits. Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*; ed. by B. Ehrenreich and A. R. Hochschild. New York, Metropolitan Books, 2002, pp. 254–274.
20. Molodezh' novogo rabocheho klassa sovremennoj Rossii [Youth of the new working class in modern Russia]; ed. by T. V. Gavrilyuk. Moscow, FLINT Publ., 2019. 392 p.
21. Podvoiskii D. G., Soleimani S. Ponyatie sotsial'noi identichnosti: osnovnye issledovatel'skie podkhody [The concept of social identity: basic research approaches]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 825–834.
22. Savage M. *Class Analysis and Social Transformation*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 204 p.
23. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class. *Sociology*, 2004, no. 38 (5), pp. 985–1003. <https://doi.org/10.1177/0038038504047182>
24. Bourdieu P. Prakticheskij smysl [Practical Reason]. St. Petersburg, Aleteija Publ., 2001. 562 p.
25. Kuznetsov A. G. Transformacija gosudarstvenno-nacional'noj identichnosti v uslovijah globalizacii. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk [Transformation of state-national identity in the context of globalization. Cand. sociol. sci. abstract diss.]. Volgograd, 2007. 27 p.
26. Obshhestvennoe mnenie – 2007 [Public opinion – 2007]. Moscow, Levada-Centr Publ., 2007. 272 p.
27. Polukhina E., Vanke A. Identichnost' zavodskogo rabocheho v postsovetskom kontekste: jetnograficheskoe kejs-stadi rajona Uralmash [The Identity of the Industrial Worker in a Post-soviet Context: An Ethnographic Case Study of the Uralmash District]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2019, no. 17(2), pp. 237–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>
28. Ikeler P., Crocker J. The continuity of work: Class consciousness in service and non-service jobs. *Economic and Industrial Democracy*, p. 1–25. <https://doi.org/10.1177/0143831X18769411>
29. Kovalev V. V., Popov A. V., Khocenko V. P. Idei solidarizma i solidarnosti v intellektual'noj tradicii Rossii i Zapada [Ideas of solidarism and solidarity in the intellectual tradition of Russia and the West]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2018, no. 7, pp. 103–110.
30. Marx K. Nishheta filosofii [The Poverty of Philosophy]. Sochinenija [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, vol. 4, pp. 65–185.
31. Clark T. N., Lipset S. M. Are Social Classes Dying? *International Sociology*, 1991, no. 6 (4), pp. 397–410.
32. Efremenko D. V. Issledovaniya social'noj solidarnosti v sovremennoj sociologii: aktual'nye tendencii [Research on Social Solidarity in Contemporary Sociology. Current Trends]. *Social'nye i humanitarnye nauki. Serija 11. Sociologija = Social Sciences and Humanities. Series 11. Sociology*, 2012, no 1, pp. 5–12.
33. Grunsky D. B., Sorensen J. B. Mozhno li spasti klassovyy analiz? [Can class analysis be salvaged?]. *Social'nye i humanitarnye nauki. Serija 11. Sociologija = Social Science and Humanities*, 1999, no. 1, pp. 67–76.
34. Coventry B. T., Morrissey M. Unions' empowerment of working-class women: A case study. *Sociological Spectrum*, 1998, no. 18(3), pp. 285–310. <https://doi.org/10.1080/02732173.1998.9982199>
35. Jensen C. S. Trade unionism in Europe: Are the working class still members? *European Journal of Industrial Relations*, 2019, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1177/0959680119838881>

36. Walkerdine V. Affective history, working-class communities and self-determination. *The Sociological Review*, 2016, no. 64, pp. 699–714. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12435>

37. Beckwith K. Gender, class, and the structure of intersectionality: working-class women and the Pittston Coal strike. *Politics, Groups, and Identities*, 2014, no. 2(1), pp. 17–34. <https://doi.org/10.1080/21565503.2013.872042>

38. Wu B., Liu H. Bringing class back in: class consciousness and solidarity among Chinese migrant workers in Italy and the UK. *Ethnic and Racial Studies*, 2014, no. 37(8), pp. 1391–1408. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.715660>

39. Gavriilyuk T. V. Zhiznennyi put' molodezhi novogo rabocheho klassa: real'nost' i normativnye patterny [The life course of the new working-class youth: the reality and normative patterns]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 49, pp. 101–113. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/11>

Информация об авторах / Information about the Authors

Гаврилюк Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3396-0959, Researcher ID: I-6281-2018

Tatiana V. Gavriilyuk, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Advanced Research and Innovations, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3396-0959, Researcher ID: I-6281-2018

Гаврилюк Вера Владимировна, доктор социологических наук, профессор, консультант, профессор кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, e-mail: gavriiliuk@list.ru, ORCID: 0000-0002-0131-4939

Vera V. Gavriiliuk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Consultant, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, e-mail: gavriiliuk@list.ru, ORCID: 0000-0002-0131-4939